

УДК 94 (47).083

**“МЫ ВЕДЬ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ, ЗНАЧИТ, ВО МНОГОМ РАЗНЫХ МИРОВОЗЗРЕНИЙ...”¹
КОММУНИКАТИВНАЯ ПРАКТИКА ПОКОЛЕНИЙ ИСТОРИКОВ
КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX в.**

© 2010 А.А. Серых

Омский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 25.11.2009

В рамках научного сообщества русских историков конца XIX-начала XX в. определены три поколения исследователей: историки 1860-70 гг.; историки 1880-1890 гг. и исследователи начала XX в. Проанализировано значение для исследователей самоидентификации с определенным поколением. Рассмотрены традиции и особенности общения историков 1880-1890 гг. с исследователями 1860-1870 гг. и с поколением историков начала XX в. Определено значение историков 1880-1890 гг. как “поколения-посредника”.

Ключевые слова: поколение, коммуникативная практика, русские историки.

Проблеме межпоколенческих взаимоотношений историков конца XIX-начала XX в. последнее время уделяется все больше внимания. Указанная проблема рассматривается с точки зрения научных школ или структуры научного сообщества. Например, Е.А. Ростовцев, анализируя историю петербургской исторической школы, выделял четыре поколения исследователей, определяя хронологические рамки активной творческой работы каждого из них². Исследователи отмечают принадлежность того или иного историка к определенному поколению, при этом часто не обосновывают критерий определения указанного поколения. Возникает необходимость определения основы практики межпоколенческих взаимоотношений историков конца XIX в. Для решения поставленной задачи необходимо выяснить, насколько актуально было для историков разграничение межличностных и межпоколенческих отношений.

В настоящее время существует несколько работ, посвященных теоретическому исследованию проблемы “поколений”³. Например, Л.А. Сидорова определяет поколение как “общность специалистов, примерно в одно и то же время начавших заниматься профессиональной научно-исследовательской и преподавательской деятельностью”⁴. В рамках научного сообщества русских историков конца XIX в. мы условно выделили три поколения исследователей.

Становление научного мировоззрения, формирование межличностных коммуникаций в рамках научного сообщества “старшего” поколения исследователей, на наш взгляд, происходило в 1860-1870 гг. К историкам 1860-1870-х гг.

мы относим П.Г. Виноградова, В.О. Ключевского, В.Г. Васильевского, В.И. Герье. В свою очередь они стали “учителями” для следующего поколения исследователей, профессиональное становление которых происходило в 1880-1890-е гг. К этому поколению мы относим П. Н. Миллюкова, С.Ф. Платонова, А.А. Кизеветтера, Ю.В. Готье, М.К. Любавского, А.С. Лаппо-Данилевского, И.М. Гревса, Н.П. Павлова-Сильванского и др. Отдельно необходимо выделить поколение историков, формирование научного мировоззрения которых происходило на рубеже столетий, в последнее десятилетие XIX в. и в начале XX в. К указанному поколению мы отнесли П.Г. Васенко, И.И. Лаппо, С.Н. Валка, Г.В. Вернадского, С.В. Рождественского и др. Отметим, что для молодого поколения исследователей начала XX в. “учителями” были как историки поколения 1880-1890-х гг. (С.Ф. Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский, М.К. Любавский), так и продолжавшие работу историки 1860-1870-х гг. (В.О. Ключевский, В.И. Герье).

Коммуникативная практика историков конца XIX-начала XX в. связана с “двойной” идентичностью исследователей, выражавшейся в определении себя учеником или учителем. Межпоколенческая коммуникация в рамках научного сообщества приобретала форму межличностной коммуникации между учителем и учеником. Историк конца XIX в. признавал (или не признавал) себя учеником старшего поколения, с другой стороны старший исследователь также был свободен в определении или отрицании своей роли “учителя”. Как следствие, отношения учителя и ученика строились по известным каждой из сторон правилам, и каждая из сторон, принимающих участие в этих отношениях, имела

Серых Анна Александровна, аспирант кафедры отечественной истории. E-mail: anna_sinenko@mail.ru

определенные права и обязанности. По мнению К. Мангейма, «отношения между учителем и учеником являются не отношениями между двумя представителями одного и того же «универсального сознания», а отношениями одного возможного центра жизненной ориентации с другим, призванным его сменить <...> не только учитель создает ученика, но и ученик – учителя. Поколения находятся в постоянном взаимодействии»⁵. Исследователь рассматривает межпоколенческое взаимодействие учителя и ученика не только как форму передачи накопленных научных знаний и опыта. К. Мангейм исследует проблему несколько шире и отмечает, что не только учитель создает ученика, но и ученик может оказать влияние на учителя. Возможно, подобная практика межпоколенческой коммуникации, при которой взаимодействие историков не ограничивается передачей накопленного опыта, могла сложиться и в научном сообществе русских историков конца XIX в.

Коммуникативная практика учителя и ученика определялась известными каждой из сторон нормами университетской культуры. Ю.В. Краснова, рассматривая университет как самостоятельное коммуникативное пространство, определила несколько типов коммуникативных отношений, характерных для университета: «государство – административный аппарат университета», «преподаватель – студент», «студент – студент», при этом в рамках каждого типа формируется особый предмет коммуникации⁶.

В настоящее время ряд исследователей склонны предполагать, что историки 1880-1890 гг. придерживались некоторой «отстраненности» от учеников. Например, В.С. Брачев отмечает, что подобное отношение к ученикам было характерно для С.Ф. Платонова⁷. Вероятно, подобной тактики поведения С.Ф. Платонов придерживался и при чтении курса русской истории на Бестужевских курсах. М.А. Островская в одном из писем С.Ф. Платонову отмечала: «я очень хотела пользоваться Вашим руководством в занятиях, но мне казалось всегда, что настоящего руководства я от Вас не получу, так как мне казалось, что при всей любезности <...> Вы не хотите тратить на меня время <...> Вы ведь только мне отвечали на вопросы и дальше не шли никогда»⁸. Вместе с тем В.В. Митрофанов считает, что С.Ф. Платонов «щедро делился своими находками со своими многочисленными учениками, темы диссертаций которых выходили из его семинариев, либо из его работ, превращаясь в самостоятельные ценные исследования, приносили авторам прочное имя в науке»⁹. В своих воспоминаниях об А.С. Лаппо-Данилевском С.Н. Валк отмечал «малодоступность» историка¹⁰. В свою очередь

А.В. Малинов и С.Н. Погодин предполагают, что А.С. Лаппо-Данилевский «никогда не «давил» на конкретное содержание научной работы своих учеников, а только руководил занятиями, со свойственной ему деликатностью добиваясь в конце концов настоящего понимания истинно научных методов познания»¹¹. Вместе с тем С.О. Шмидт считает, что А.С. Лаппо-Данилевский с интересом следил за развитием научной деятельности учеников¹². Сам А.С. Лаппо-Данилевский объяснял свою «замкнутость» волнением и неумением общаться с аудиторией. В письме М.С. Гревс историк отмечал: «Вы видите, что я до сих пор далеко не уяснил себе отношение моих слушательниц к моему курсу, что, конечно, происходит от моего неумения обращаться с людьми. Второй курс Института тоже доставляет мне иной раз тяжелые впечатления. Студенты этого курса слушают очень вяло, а иной раз вовсе не слушают, хотя и сидят в аудитории. В такие минуты мне хочется возможно больше заинтересовать их, а страх, что я не в состоянии этого сделать, каким-то холодным кольцом сжимает сердце, мешает говорить, я чувствую, что вместо того, чтобы говорить лучше, я говорю хуже и нагоняю скуку. Это ужасно тяжелое чувство»¹³. Несмотря на сложности в построении общения, по истечении некоторого времени студенты выражали А.С. Лаппо-Данилевскому свое признание, которое, по словам самого историка, его смущало: «на последних лекциях испытал некоторое удовлетворение и смущение. Студенты всех курсов провожали меня аплодисментами, и я, совершенно не зная, что им сказать по этому поводу, убежал от них как дурак, да и боялся, чтобы им не было неприятностей из-за этого»¹⁴. А.В. Малинов и С.Н. Погодин отмечают, что взаимоотношения А.С. Лаппо-Данилевского с учениками «часто начинались непросто, с усилиями и колебаниями, но в дальнейшем скреплялись внутренним, интеллектуальным и нравственным единством. Влияние Лаппо-Данилевского на учеников было огромно»¹⁵.

Причиной возможного «отстраненного» поведения историков 1880-1890-х гг. по отношению к ученикам мог быть собственный опыт общения историков с исследователями старшего поколения. Так, С.Ф. Платонов вспоминал: «Бестужев как будто боялся руководить; сделанное учеником он горячо обсуждал, хвалил или критиковал; но как следовало сделать, наперед не любил указывать. Позднее мне пришлось узнать, что и другие ученики Бестужева испытывали на себе то же свойство учителя»¹⁶. В свою очередь В.О. Ключевский отмечал: «Наша обязанность <...> помогать, чем можем, художникам, желающим изучить русскую историю и ищущим вдохновение в ней; я

только не люблю, когда ко мне обращаются с вопросами специалисты: сам доходи”¹⁷. И именно в рамках правила “сам доходи” работал В.О. Ключевский со своими учениками. Н.Н. Алеврас предполагает, что В.О. Ключевский перенял у С.М. Соловьева “стереотип межличностных отношений” с учениками, который заключался в отказе от “подчеркнутого попечительства”¹⁸.

С другой стороны, причина подобного поведения историков могла заключаться и в общепринятых нормах университетской культуры. В воспоминаниях об атмосфере университета в конце XIX в. М.М. Богословский отмечал: “Профессоров мы “товарищами” не считали и в профессорскую входили, точно в какой-нибудь алтарь. Существовало даже выражение: “Пойдем со мной в профессорскую в виде мебели!” Идти “в виде мебели” значило сопутствовать в профессорскую кому-либо, идущему туда по курсовым делам, потому что в единственном числе такой курсовой депутат входить туда все же робел”¹⁹. Историк подчеркивал границу, существовавшую при межличностной коммуникации между студентами и профессорско-преподавательским составом университета. Подобная граница была обусловлена не только нормами университетской коммуникации, но и общекультурными нормами, приемлемыми для российского общества конца XIX в. Правительство, также как и администрация университетов, относилось “настороженно” к студенческой культуре, выстраивая взаимоотношения скорее в форме административных указаний, нежели в форме взаимовыгодного сотрудничества. Т. Бон отмечает, что устав 1884 г. и дополнительные предписания министерства “придали университетам казарменный характер: с одной стороны, из-за того, что учащиеся были обязаны носить мундиры как внутри, так и вне университета, с другой – студенты были ограничены в гражданских правах”²⁰. Именно поэтому иная форма коммуникации, сложившаяся в европейских университетах, привлекала внимание российских историков. Так, посетив в 1898 г. Берлинский университет, А.С. Лаппо-Данилевский писал: “Студенты все в светских платьях, никаких надзирателей за ними не видно, официальное расписание преподавателей не вывешено, а каждый профессор собственноручно оповещает студентов о предметах и времени чтения. В этом чувствуется простота и близость в отношениях между лектором и слушателями <...> здешнее общество и правительство как-то доброжелательно относятся к студенчеству. В нем точно чувствуют здесь силу новых поколений, надежду нации”²¹.

На наш взгляд, “отстраненность” историков старшего поколения от учеников можно назвать условной, т.к. в научном сообществе были рас-

пространены различные формы межпоколенческой коммуникации, которые нередко выходили за рамки “университетских стен”. Например, была распространена практика проведения некоторых занятий в домашней обстановке. М.М. Богословский и П.Н. Милюков вспоминали о посещении семинаров, проводимых В.О. Ключевским у себя дома. Павел Николаевич отмечал также, что его курс на правах первых учеников В.О. Ключевского закрепил за собой привилегию “непринужденной личной беседы” с профессором. А.А. Кизеветтер вспоминал о посещении “вечеров” Герье и Виноградова. В свою очередь Е.Ф. Шмурло вспоминал о возникших в 1870-е гг. “вторниках” К.Н. Бестужева-Рюмина. “Встречи” К.Н. Бестужева-Рюмина посещали и молодые исследователи 1880-х гг.

Историки конца XIX в. сохранили подобную форму общения со своими учениками. С.Н. Валк вспоминал о “пятницах” А.С. Лаппо-Данилевского, Г.В. Вернадский – о “платоновских средах”. П.Н. Милюков, также как и петербургские историки, в начале своей профессиональной карьеры часто проводил занятия в домашней обстановке²². На наш взгляд, сохранение подобной формы работы с учениками позволило историкам конца XIX в. заложить традицию неформального общения в рамках межпоколенческой коммуникации. Согласимся, что основа подобных неформальных форм общения относится к “салонным” традициям начала XIX в., но в конце столетия произошла трансформация традиций в рамках научного сообщества. Кроме того, говорить о “традиции”, на наш взгляд, можно лишь в том случае, если подобная практика широко распространена в рамках сообщества. В конце XIX в. увеличилось число исследователей, занимающихся исторической наукой, что позволяет говорить о расширении научного сообщества, а как следствие – об укоренении традиций сообщества.

Необходимо отметить, что историки конца XIX в. не только признавали влияние “учителей”, но также отмечали, что это влияние могло быть различным. М.М. Богословский писал: “воздействие университетского учителя, если оно не ограничивается пределами аудитории, может быть очень сильно и глубоко и при этом не всегда поддается точному учету. Оно не заключается только в идеях и знаниях, сообщенных на лекциях, или в методах, указанных на практических работах. Обмен взглядов по специальным вопросам, споры, передача накопленного долгим временем опыта – все это при общении с учителем пути влияния”²³. Для историков 1880-1890 гг. важно было знать мнение старших коллег о своей настоящей и планируемой научной деятельности. А.С. Лаппо-Данилевский делился с М.С.

Гревс, женой И.М. Гревса, планами написания сочинения, которое впоследствии стало докторской диссертацией, и отмечал: “Васильевскому я также рассказывал об этих своих планах. и он очень сочувственно к ним отнесся, что меня ободрило”²⁴. По поводу научных планов на будущее А.С. Лаппо-Данилевский консультировался и с К.Н. Бестужевым-Рюминым, “который сделал несколько замечаний, но в общем похвалил, что подействовало ободряющим образом”²⁵. Профессиональное мнение старших коллег-учителей было, безусловно, важно для молодых исследователей, но вместе с тем историки точно определяли существующие границы поколений. Например, А.С. Лаппо-Данилевский в письме М.С. Гревс сетовал, что не с кем обсудить вопросы философии: “С Бестужевым я иногда говорю, но мы ведь разных поколений, значит во многом разных мировоззрений”²⁶. В свою очередь П.Н. Милюков в воспоминаниях о В.О. Ключевском отмечал двойственное чувство, которое вызывало у него общение с учителем. П.Н. Милюков отмечал, что после 30 лет общения с В.О. Ключевским он впервые почувствовал “связь поколений”. Между тем, по признанию П.Н. Милюкова. В.О. Ключевский “как профессор, как исследователь и ученый, <...> всегда возбуждал ощущение “различия”²⁷. На наш взгляд, осознание различий поколений при межпоколенческой коммуникации историков способствовало становлению научного мировоззрения, а также адаптации младшего поколения в рамках сообщества.

В некоторых случаях между историками 1860-1870-х гг. и исследователями конца XIX в. складывались близкие межличностные отношения, при этом предметом общения могли быть не только профессиональные вопросы, но и некоторые “текущие” проблемы, возникающие у молодых исследователей, вступающих в научное сообщество. Процесс “вхождения” молодого исследователя в науку связан с рядом “проблемных ситуаций”. Д.Н. Овсяннико-Куликовский отмечал, что “молодой ученый” неизбежно проходит период “профессионального лицедейства”, когда в нем еще “живет” студент, но при этом ему необходимо играть роль “настоящего” ученого²⁸. В.П. Корзун отмечает, что защиту магистерской работы принято считать условной границей в формировании научного мировоззрения молодого исследователя, после указанного события роль учителя становится значительно меньше²⁹. Если рассматривать указанное событие с точки зрения формирования научных взглядов молодого исследователя, то, безусловно, защита магистерской работы – это определенный рубеж, позволяющий говорить о сформированности научных взглядов молодого исследователя. Но с точки

зрения межпоколенческих и межличностных коммуникаций, защита магистерской не может быть рассмотрена как “рубеж”, более того, на наш взгляд, после вступления молодого исследователя в научное сообщество межличностная коммуникация с учителем вступает в новый этап развития. Необходимо отметить, что на начальном этапе преподавательская деятельность молодых историков во многом зависела от “рекомендации” старших коллег-учителей, которая позволяла (или не позволяла) “брать часы” в учебных учреждениях. Примером может служить ситуация, возникшая с С.Ф. Платоновым. В 1890 г. у историка возник вопрос: завершить преподавательскую деятельность в Александровском лицее и уступить место Е.Ф. Шмурло либо А.С. Лаппо-Данилевскому, или остаться еще на один учебный год. С.Ф. Платонов обратился за советом к В.Г. Васильевскому, который высказал свою точку зрения по возникшей ситуации. Н.Н. Платонова записала в своем дневнике: “Вечером С[ергей] Ф[едорович] пошел к Васильевскому посоветоваться, как быть <...> Вас[ильевск]ий сказал С[ергею] Ф[едорови]чу, что, отказываясь от Лицея, он ничего не может потерять в служебном отношении, так как его служебное положение очень прочно; что же касается денежной стороны дела, то Вас[ильевск]ий посоветовал Сереже поговорить со мной и поступить так, как я скажу”³⁰. В результате С.Ф. Платонов принял предложение администрации лицея остаться еще на один год. По дневниковым записям Н.Н. Платоновой, “Директор и оба инспектора благодарили его [С.Ф. Платонова – А.С.], а затем директор позволил себе дать волю язычку (его собственные слова): когда С[ергея] Ф[едоровича] приглашали в Лицей, ни один из стариков выдающих в ун-те русск[ую] историю [Е.Е. Замысловский и К.Н. Бестужев-Рюмин – А.С.], не сказал ни слова, не двинул пальцем, чтобы рекомендовать его; приглашение состоялось благодаря рекомендации юристов (Сергиевского и Янсона). Теперь же, когда дело идет о том, чтобы столкнуть с этого места Сережу, и посадить на него Шмурло, эти старики толкуют о нравственном долге”³¹. Н.Н. Платонова подчеркивает важность рекомендации старшего коллеги-учителя для профессиональной карьеры молодого исследователя. Рекомендация историка старшего поколения – это одна из немногих форм общественного признания, которая была доступна для молодого поколения исследователей, поэтому подобные “рекомендации” могли отразиться на межличностных отношениях историков. К.Н. Бестужев-Рюмин проявлял заботу и в некоторой степени “опекал” отдельных своих учеников, например Е.Ф. Шмурло, но с С.Ф. Платоновым у

историка сложились непростые отношения. Вместе с тем “учительство” В.Г. Васильевского для С.Ф. Платонова не ограничилось узкими рамками университетских лекционных курсов и практических занятий, сотрудничество историков продолжилось и после окончания С.Ф. Платоновым университета. Н.Н. Платонова отмечает, что темы бесед С.Ф. Платонова и В.Г. Васильевского были достаточно широкими и отвлеченными от профессиональной деятельности историков: “Сережа долго гулял с Васильевским, который много рассказывал ему о своей молодости, о тех радикальных кружках, в которых он тогда участвовал. Говорили они также о Страхове, Данилевском и Вл. Соловьеве”³². Е.А. Ростовцев, сравнивая взаимоотношения, сложившиеся со старшим поколением историков у А.С. Лаппо-Данилевского и С.Ф. Платонова, пришел к выводу, что “теплые” отношения С.Ф. Платонова со старшим поколением способствовали его скорой адаптации в научном сообществе³³.

Подобные межличностные отношения сложились также между П.Г. Виноградовым и П.Н. Милюковым, который, как и С.Ф. Платонов, в вопросах, связанных с планами дальнейшей работы, советовался со старшими коллегами-учителями. По мнению Т. Бона, “характер личных отношений с профессорами в Москве и С.-Петербурге не остался для профессиональной карьеры Милюкова без последствий”³⁴. В частности, когда С.Ф. Платонов от имени Александровского лицея предложил П.Н. Милюкову “взять уроки”, последний планировал посоветоваться с П.Г. Виноградовым и В.О. Ключевским. Поскольку в Петербурге П.Н. Милюкова воспринимали как “законного преемника Ключевского”³⁵, историку было важно знать мнение старшего коллеги и учителя о возможности своей дальнейшей работы в университете. В письме к В.О. Ключевскому П.Н. Милюков писал: “Чтобы принять какое бы ни было решение, у меня нет самого главного основания: именно, я не знаю, в какой степени я могу рассчитывать на выяснение в ближайшем будущем моего положения в здешнем университете”³⁶. В.О. Ключевский не ответил П.Н. Милюкову ничего определенного, ограничившись лишь общими фразами: “Касательно Вашего положения в нашем университете, которое Вы хотите выяснить, я охотно дам Вам объяснения, какие только могу дать, как скоро Вы потрудитесь указать мне, что в этом положении представляется вам неясным”³⁷. Таким образом, П.Н. Милюков не получил от историка каких-либо определенных советов, в свою очередь П.Г. Виноградов положительно отнесся к возможной перспективе П.Н. Милюкова переходить в С.-Петербург и оставить Московский

университет. Зная столь различное отношение учителей к своей дальнейшей преподавательской карьере, П.Н. Милюков длительное время не мог принять решения по данному вопросу. Н.Н. Платонова писала в дневнике: “Милюков все колеблется, к нашему удивлению; и Виноградов советует ему брать Лицей и переезжать в Петербург, а Вас[ильевск]ий думает, что лучше взять кафедру в Одесском ун-те, если мало надежды на кафедру в Московском...”³⁸. Таким образом, можно отметить, что межпоколенческие коммуникации историков 1860-1870-х гг. и исследователей 1880-1890-х гг. оказывали влияние не только на научную деятельность молодых исследователей, но и на адаптацию младшего поколения в научном сообществе.

Самоидентификация себя как “учителя” накладывала на историков конца XIX в. ответственность за учеников, что также относится к традициям научного сообщества. В 1891 г. С.Ф. Платонов в письме П.Н. Милюкову писал, что планирует оставить при университете одного из своих слушателей, но при этом утверждает, что в университете нет “школы” по русской истории: “А раз за собою не чувствуешь силы вышколить человека, страшно толкать его на науку, будить надежды и плодить работников “без руля и без ветрила””³⁹. Таким образом, основной задачей учителя, по мнению историков конца XIX в., является необходимость “вышколить” исследователя, т.е. передать ему взгляды и традиции одного из научных направлений. Ответственность старшего поколения историков заключалась не только в передаче опыта, но и в адаптации молодого исследователя в сообществе. Исследователи начала XX века, точно также как поколение историков конца XIX в. получали “рекомендации” учителей, которые позволяли начать самостоятельную научную деятельность. Вместе с тем отсутствие подобной рекомендации создавало для молодого исследователя ряд проблем. Так, М.А. Островская в 1907 г. сообщила С.Ф. Платонову о своем намерении сдавать магистерский экзамен: “Вы знаете, что успех этих хлопот зависит от Вашей рекомендации – итак, раз Вы заговорили об этих хлопотах, единственный вывод, который я могла бы из этого сделать, был, что Вы эту рекомендацию мне дадите. Раз Вы против “рекомендаций”, Вы этим ставите крест над моей попыткой”⁴⁰. Сложная ситуация у С.Ф. Платонова возникала и с И.И. Лаппо, который был уверен, что С.Ф. Платонов планирует оставить его при университете. Н.Н. Платонова записала в дневнике: “С[ергей] Ф[едорович] не рассчитывал его оставить и дал ему понять, что стипендий в ун[иверси]те мало, а что оставление без нее по новым правилам влечет за собой так мало пре-

имуществом, что не стоит его и домогаться. С[ергей] Ф[едорович] думал, что из этого разговора Лаппо должен был вывести заключение об отказе, но оказалось, что Лаппо, который клянется и божится, что до этого разговора не думал об оставлении, как раз понял этот разговор в том смысле, что С[ергей] Ф[едорович] хочет его оставить”⁴¹, впоследствии С.Ф. Платонов рекомендовал И.И. Лаппо для оставления при университете. Необходимо отметить, что в первой половине 1900-х гг. С.Ф. Платонов занял высокие административные посты в системе образования, в 1900 г. С.Ф. Платонов избран деканом Историко-филологического факультета, а в 1903-м получил пост директора Женского педагогического института. Е.А. Ростовцев отмечает, что “С.Ф. Платонов привлекал к преподаванию в институте своих университетских коллег и учеников <...> А.Е.Пресняков, Н.К. Кульман и С.В. Рождественский в разное время были заместителями директора Женского педагогического института”⁴². Привлечение по возможности своих учеников к совместной административной и научной работе можно отнести к традиции научного сообщества. Е.А. Ростовцев признает, что в начале 1900-х гг. начала складываться школа А.С. Лаппо-Данилевского, поэтому “как и С.Ф. Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский чувствовал себя лидером этой особой научной корпорации, он широко использовал связи для устройства своих учеников”⁴³.

Используя категориальный аппарат К. Мангейма, можно предположить, что историки конца XIX в. выступали “поколением-посредником”⁴⁴. Признавая различия поколений, историки конца XIX в. стремились сохранить и передать накопленный опыт минувших поколений последующим. Например, в 1919 г. Ю.В. Готье писал о первой лекции А.А. Новосельского: “Это первый из молодого поколения историков, которого мы выводим на свою смену. Я думаю, что этот будет хорошим продолжением школы Ключевского”⁴⁵.

Для историков конца XIX в. межпоколенческие и межличностные отношения со старшим поколением исследователей были одинаково важны, но проявлялись в разных условиях. Межличностные отношения возникали при решении “текущих” вопросов, связанных с адаптацией молодого исследователя в научном сообществе. Старший коллега-учитель, признанный в научном сообществе ученый, был своего рода “проводником”, который мог оказать поддержку молодому исследователю своей рекомендацией или консультацией как в вопросах научного характера, так и в вопросах профессиональной карьеры исследователя.

В свою очередь межпоколенческая коммуникативная практика актуализировала поколенческую идентичность и способствовала самоидентификации поколения. Историки уделяли большое внимание “связи” поколений, при этом точно определяя “различия”. Кроме того, исследователи конца XIX в. активно создавали новые традиции межпоколенческой коммуникации с целью сохранения и передачи накопленного опыта будущим поколениям.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ МК-5404.2010.6

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лаппо-Данилевский А.С. – М.С. Гревс // ПФА РАН Ф. 113. Оп.3. Ед.хр.4 Л.32 об.
- ² Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004 (1840-1860 – деятельность первого поколения, 1860-1890 – второе поколение, 1890-начало 1920-х – деятельность третьего и четвертого поколений).
- ³ Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005; Поколение в социокультурном контексте XX века / Под ред. Н.А. Хренова. М., 2005.
- ⁴ Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков. Автореферат дисс. ... докт. ист. наук. М., 2009.
- ⁵ Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С.26.
- ⁶ Краснова Ю.В. Университет как коммуникативное пространство (на примере столичных университетов России конца XIX – начала XX в.) // Мир историка: историографический сборник / Под ред. С.П. Бычкова, А.В. Свешникова, А.В. Якуба. Вып.4. Омск, 2008. С.288.
- ⁷ “Кормить с ложки” – давать советы, наставления было не в привычках С.Ф. Платонова, который предлагал обычно список докладов в пределах общей темы семинара, и далее каждый выбирал то, что ему нравилось. С.Ф. Платонов не любил, когда студенты приходили к нему “на консультацию”, и тот, кто не справлялся самостоятельно с подбором литературы по теме и разработкой общей концепции доклада, рассматривался им как “балласт” (Брачев В.С., Дворниченко А.Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета 1834-2004. СПб, 2004. С.103).
- ⁸ Островская М.А.-С.Ф. Платонову // Мир историка: историографический сборник. Вып.1. Омск. 2005. С.298.
- ⁹ Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов и П.Г. Васенко (творческие и личные взаимоотношения) // Вопросы истории. 2006 №7. С.157.
- ¹⁰ Валк С.Н. Воспоминания ученика // Русский исторический журнал. Кн.6. 1920. С. 197.
- ¹¹ Малинов А.В., Погудин С.Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001. С.28.
- ¹² Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С.175.
- ¹³ ПФА РАН Ф.113. Оп.3. Ед.хр.4. Л.18.
- ¹⁴ ПФА РАН Ф.113. Оп.3. Ед.хр.4. Л.27об.
- ¹⁵ Малинов А.В., Погудин С.Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001. С.31.
- ¹⁶ Платонов С.Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. 1921. Кн. 2. С.122.

- ¹⁷ Цит. по: *Готье Ю.В.* В.О. Ключевский как руководитель начинающих ученых (из личных воспоминаний) // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М. Научное слово. 1912. С.180.
- ¹⁸ *Алеврас Н.Н.* Проблема лидерства в научном сообществе историков XIX - начала XX века // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сборник статей / Под ред. Н. Н. Алеврас. Челябинск. 2006. С.123.
- ¹⁹ *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 42.
- ²⁰ *Бон Т.М.* Русская историческая наука (1880 г.-1905 г.). Павел Николаевич Милоков и Московская школа. СПб., 2005. С.30.
- ²¹ Письма А.С.Лаппо-Данилевского Е.Д. Лаппо-Данилевской // Мир историка. XX век.: Монография / Под ред. Сахарова А.Н. М., 2002. С.392.
- ²² *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881-1914. М., 1996. С.70.
- ²³ *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 26.
- ²⁴ ПФА РАН Ф.113. Оп.3. Ед.хр 4. Л.20 об.
- ²⁵ ПФА РАН Ф.113. Оп.3. Ед.хр 4. Л.35.
- ²⁶ ПФА РАН Ф. 113. Оп.3 Ед.хр.4 Л.32 об.
- ²⁷ *Милоков П.Н.* В.О. Ключевский // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С.26.
- ²⁸ *Овсянко-Куликовский Д.Н.* Воспоминания // Овсянко-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы: В 2 т. М., 1989. Т.2. С.423.
- ²⁹ Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2005. С.54.
- ³⁰ ОР РНБ Ф.585 Оп.1 Ед.хр.5691 Л.9об, Л10.
- ³¹ ОР РНБ Ф.585 Оп.1 Ед.хр.5691 Л.11, Л.11об.
- ³² ОР РНБ Ф.585 Оп.1 Ед.хр.5691 Л.17об.
- ³³ Следует отметить, что, по-видимому, у С.Ф. Платонова сформировались несколько более теплые, чем у А.С. Лаппо-Данилевского, отношения со старшим поколением историков. Неслучайно С.Ф.Платонов, в отличие от А.С. Лаппо-Данилевского, органично вписался в научную среду петербургского университета и стал лидером поколения петербургских историков 1880-х гг." (*Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С.62).
- ³⁴ *Бон Т.М.* Русская историческая наука (1880 г.-1905 г.). Павел Николаевич Милоков и Московская школа. СПб., 2005. С.61.
- ³⁵ Платонов С.Ф. – П.Н. Милокову // Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милоков) / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2003. С.248.
- ³⁶ ОР РГБ. Ф.131. Папка 32. №70. Л.1.
- ³⁷ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Ед.хр.4614. Л.2.
- ³⁸ ОР РНБ. Ф.585 Оп.1. Ед.хр. 5691. Л.49.
- ³⁹ Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милоков) / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2003. С. 247.
- ⁴⁰ *Островская М.А.* – С.Ф. Платонову // Мир историка: историографический сборник. Вып.1. Омск. 2005. С.297.
- ⁴¹ ОР РНБ. Ф.585. Ед.хр.5692. Л.2.
- ⁴² *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань. 2004. С.84.
- ⁴³ *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань. 2004. С.89.
- ⁴⁴ *Мангейм К.* Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С.26.
- ⁴⁵ *Готье.* Мои Заметки // ВИ. 1992. №1. С.126.

**“WE ARE REPRESENTATIVES OF DIFFERENT GENERATIONS,
SO WE HAVE DIFFERENT OUTLOOKS...”.
COMMUNICATIVE PRACTICE OF RUSSIAN HISTORIANS GENERATIONS
IN THE END OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES**

© 2010 A.A. Serykh

Omsk State Pedagogical University

Three generations of Russian historians of the late XIX – early XX centuries are described in this article: historians of the 1860s-70s, historians of the 1880s-90s and historians of the 1900s. The important role of self-identification for construction of generation identity is revealed. The specific features as well as traditions of communicative practices of Russian historians are analyzed.

Key words: generation, communicative practice, Russian historians.